

Михаил Иванович Фёдоров родился в 1953 году в Вологде. Окончил Высшую школу КГБ, юридический факультет Воронежского государственного университета, сценарный факультет Всесоюзного института кинематографии. Автор нескольких книг остросюжетной прозы и многочисленных журнальных публикаций. Лауреат премий журналов «Сура» (дважды), «Полиция России», премии им. В.С. Пикуля. Член Воронежской областной коллегии адвокатов, руководителем адвокатской конторы. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Михаил Федоров

ДЕЛО СТУДЕНТА

Маленькая повесть

1

Две тысячи двенадцатый год выдался для адвоката Фебина «урожайным» — он не вылезал из судов и из полиции. В последнюю декаду декабря уехал из Воронежа в столицу проведать внучку Софийку, и его зацепило. В холле огромного супермаркета умоляла вступить за ее сына мать студента, которого поймали при передаче наркотиков.

— Леша ни в чем не виноват! Ему нужно учиться, а тут...

Федин понимал, какая опасность нависла над сыном этой неприметной блондинки, которая постоянно расправляла слипшиеся волосы на голове.

— Нам нужны Вы. Нам не нужна москвичка.

Мать, словно боясь куда-то опоздать, сбивчиво говорила про московскую адвокатессу.

— Она даже не была на допросе! — воскликнула. — А все подписала...

Федин оглядывался по сторонам, не желая привлечь внимание снующих вокруг покупателей, и сторонился к витражу.

— Ну как так можно! — наконец возмутился поведением коллеги.

А мать нагнетала: «Опер вымогал! Сказал мне: “Несите 150 тысяч рублей — и пойдет по слабой статье. А 500 тысяч — дело прикрою”. Я: “Да откуда они у меня?” А он: “Вам на все 40 минут”. Где же я ночью найду такие деньги!»

— Взятка, — проговорил Федин и добавил: — Какие дела творят...

Мать рассказала, как позвонила 02 и выложила про вымогателя.

— И вы думаете, они захотели со мной говорить?! — воскликнула в сердцах.

— Хм... — Федин понимал, что должна была последовать немедленная реакция и задержание сыщика с поличным.

— Они мне только: мы зафиксировали сообщение.

Федин согласился помочь студенту и сразу почувствовал, в какое склочное дело попал.

— Кто ведет дело?

— Следователь Миколайчук.

— Как-как?

— Ми-ко-лай-чук...

Федин созвонился со следователем, договорился о встрече на следующее утро, а когда на метро, потом на маршрутке добрался до Димитровского отдела полиции, дверь кабинета следователя в торце коридора второго этажа оказалась закрытой.

Ждал:

— Следак задерживается.

Такое часто случалось в его практике. В свое время сам бегал с портфелем следователя в бытность службы в милиции.

Рассматривал картины на стенах коридора и к своему удивлению подмечал: на половине из них изображены портреты воронежских стражей правопорядка. Кто отличился в «горячих» точках, кто у себя на родине. Некоторых он даже знал лично. Ощутил гордость за своих коллег, которых ценили в столице, и ходил големом. Но когда с полсотни раз промерил коридор из одного конца в другой, терпение иссякло.

Ища выход из возникшей ситуации, рассматривал таблички на дверях — «Следователь», «Канцелярия», «Старший следователь».

Увидел: «Начальник отдела».

Хотел сразу зайти к «начальнику» высказать свое раздражение, но не решился. А найдя в соседнем коридоре за табличками «оперуполномоченный», «начальник уголовного розыска» планшетку «заместитель начальника отдела по следствию», с ходу толкнул дверь.

— Извините, я адвокат из Воронежа, — произнес с какой-то значительностью. В сейфе рылся кучерявый брюнет в пиджачке и при галстуке.

Он показал рукой на стул напротив стола.

— Я по делу студента Путилина, — Федин ступил вперед.

— Так у него адвокат Марьева, — зам распрямился.

— Теперь буду я. Жду Миколайчука, но что-то...

— Он выехал на преступление.

— А кому мне оставить ордер и заявление о вступлении в дело?

Видно было, что заместитель не особо обрадовался гостью — и спросил:

— А ваше удостоверение?

Посмотрел документы:

— Даже из Воронежа? Москвичей, что ли, не хватает, — пристально оглядел мужика в куртке.

Вернул документы:

— Ордер с заявлением подайте через канцелярию.

«Подать так подать».

Федин вышел.

В широкой комнатенке канцелярии отдал документы молоденькой секретар-

ше, вожделенно посмотрел на дверь в кабинет «начальника отдела»: может, зайти, сказать — я из Воронежа, но ухмыльнулся, по узкой лестнице спустился на первый этаж, где в стороны уходили коридоры, и, минуя дежурку, вышел на крыльцо.

«Что-то не очень-то ласково приняли», — оглядел безликое здание. И содрогнувшись от озноба, зашагал по припорошенному тротуару.

«А ты что думал, если ты из Воронежа, так перед тобой расшаркиваться должны? — гуляли мысли. — Может, и должны! Но только перед другими».

Начальником столичной полиции оказался генерал из Воронежа. Почему и увесили этажи с картинками сотрудников-воронежцев.

2

Когда на следующий день появился у двери кабинета Миколайчука, она опять оказалась закрытой.

— Десять часов!

Федин приложил ухо к доске, но за ней ничего не услышал.

Подергал за ручку сильнее — дверь не поддавалась.

— Что за хамство!

Ждал: следователь же должен появиться.

Заглядывал в соседние кабинеты и спрашивал:

— Миколайчук будет?

Кто пожимал плечами, а кто-то кивал головой:

— Обязательно будет.

«Мы уже эти “обязательно” слышали».

Сгорая от желания разнести Миколайчука в пух и прах, пошел к кабинету зама по следствию. Но и дверь кабинета зама оказалась закрытой.

— Они что, сговорились?

Слонялся по коридору и ждал.

Вглядывался в заснеженный двор за окном: не появится ли лейтенант. Заметил бомжа, который проковылял по снежной целине, двух бабулек, долго шедших по тропке, побежавшего куда-то крепыша.

Но лейтенанта не увидел.

Не зная, что делать, зашел в канцелярию.

Девчужка-секретарь не успокоила:

— Не знаю, где Миколайчук.

— А начальник? — показал на обитую дерматином дверь.

— На совещании в главке.

Какое-то время Федин слонялся по этажу, воротя голову от опостылевших табличек на дверях, картинок на стене, а потом плюнул:

— Да пошел он с этим делом! Пусть сам дергается. Я заявление с ордером оставил. Еду в Воронеж!

Понимал, какие сложности мог создать для следователя, который обо всем договорился с московским адвокатом Марьевой.

Вот и свалили все от следователя до начальника.

Когда спустился по лестнице на первый этаж, решил на дорогу заглянуть в туалетную комнату. Она оказалась в торце коридора. Когда подходил, то увидел, что за приоткрытой дверью курили и при его приближении дверь захлопнулась.

Оттуда раздалось со смехом:

— Адвокат из Воронежа приехал...

«Ах вот ты где! — понял Федин. — Теперь от меня не уйдешь».

Решил ждать до победного конца.

За дверью то затихали, то шумели.

«Но не смогут они там просидеть весь день!»

Это успокаивало.

Но боялся:

«Сбежит через окно».

Минут через двадцать дверь открылась. Оттуда сначала вышла крупная женщина — и за ней Миколайчук, который захотел проскочить мимо Федина, но тот ухватил его за руку:

— Лейтенант, ты же сказал «точно в десять».

Миколайчук скривился. Затея кинуть адвоката на этот раз не удалась. Естественное желание Федина помогло раскрыть замысел «хитреца».

— Ловись, рыбка, большая да маленькая, — Федин неотступно поднимался за «хитрецом» на второй этаж.

Разговор состоялся.

— Мне нужны копии протоколов следственных действий с участием студента, — присел у стола Федин.

Миколайчук, насупившись, молчал.

— Путилина, — Федин для ясности назвал фамилию.

Миколайчук молчал.

— И чтобы ты заранее вызывал меня на следственные действия с ним...

Миколайчук — как набрал в рот воды.

— Ты меня слышишь? — Федин подергал за локоть следователя.

— Не лапайте, я вам не девка! — прорвался визгом лейтенант.

— Слушай, ты! — не выдержав, Федин ударил ладонью по столу. — Я что, к тебе на свидание приехал?! Мне что — к прокурору пойти?!

— Да хоть к Папе Римскому! — воскликнул Миколайчук и вдруг сбавил тон:

— Документы? Завтра будут.

На душе у Федина всколыхнулось: хватит кормить завтраками! Только сейчас, со минуту! Но, боясь обострения момента, сдержался.

Следователь что-то нервно записал на настольном календаре.

Когда Федин снова спустился по лестнице, его раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, своего вроде добился — состоялся разговор со следком, а с другой — ему надоели игры в кошки-мышки, и он не знал, как долго они продолжатся.

Федина не выпускала столица: домашние тепло и уют каким-то сладостным воспоминанием витали в его сознании, и ему, уже надоевшему знакомым, пришлось переехать на квартиру матери студента. Федину освободили комнату Алексея, в которой навалом на столе, на полу, на стеллажах лежали диски, учебники, тетради, в углу стоял велосипед, одеяло накрывало раздвинутый диван, два компьютера располагались на стульях. Студент на время переехал в комнату матери, в которой та жила вместе с бабушкой.

Федина кормили вечером, перед тем, как лечь, кормили утром, но все равно еда отличалась от той, которой потчевала его жена, да и диван студента казался постылой кроватью в сравнении с родным двухметровым матрасом, где можно было вольно разбросать руки и ноги.

Когда адвокат собирался к следователю, тот опередил его звонком:

— Приходите только с Путилиным.

Федин хотел было спросить: «А зачем?» — но только ответил:

— Хорошо.

Миколайчук должен был отдать документы, а тут почему-то потребовался студент.

Боясь резких событий: ареста студента, ведь тот шел по статье, которая грозила огромным сроком, он попросил мать Алексея:

— Вы с нами можете пойти?

Та с пониманием кивнула головой.

— Вы должны стараться всегда быть рядом с нами. Чтобы, если что, поднять шум.

— Я поняла, на всякий случай.

В положенный час они стояли у кабинета следователя, дверь в который оказалась опять закрытой.

К ним подошел коренастый, упитанный молодой человек в гражданке и сказал:

— Вас начальник розыска ждет.

— Мы к следователю, — сказал Федин.

— Это потом.

«Что-то затевают», — Федин посмотрел на мать.

— Этот был с тем, кто вымогал, — она показала в спину шедшему впереди молодому человеку.

«Опер», — понял адвокат.

Подойдя к двери с табличкой «Начальник уголовного розыска», Федин взял за руку Алексея:

— Смотри, ничего лишнего. А так, слушай, что я...

Опер показал матери рукой: останьтесь в коридоре.

Федин с Лешей зашли в кабинет, в узком пространстве которого у окна сидел молодежавый шатен в пиджаке и футболке.

«Все на одно лицо», — подумал Федин о сотрудниках полиции, которых если переодеть в гражданское, то и не отличишь.

Опер закрыл за собой сзади дверь.

Начальник повернулся и с ходу сказал Путилину:

— Ты обещал с нами сотрудничать.

Федин опешил.

— Мы тебя поэтому и отпустили, что ты так сказал. Но пока никаких шагов от тебя не видно.

До Федина дошло: Алексея после поимки отпустили, а вот насчет того, чтобы сотрудничать с полицией, он услышал впервые.

И глядя на Алексея, спросил:

— Ты можешь рассказать все, что знаешь, кто продает, кто привозит.

— Мы это и без него знаем, — оборвал начальник розыска. — Нам нужно другое.

— Не понял.

— Он знает, — жестко сказал розыскник. — Так почему еще никого не уговорил?

— Постойте, мне-то объясните, — вмешался адвокат.

— Он, — начальник посмотрел на студента, — обещал, что найдет, кто ему продаст наркотики.

«Зачем?»

— А мы его на сбыте и хлопнем.

— Подождите, но сами можете в институте, если все знаете...

— Нам не надо в институте. Надо на нашу территорию вытащить, — даже скрипел начальник розыска.

Федин понял, какую помощь ждали от Путилина. Не найти наркобаронов (они и сами их знают!), чтобы изолировать, посадить, а уговорить однокурсника достать наркотики, вытащить на территорию Димитровского отдела, где того возьмут с поличным.

Выходило, самим организовать сбыт наркотиков и на этом заработать: взятку выудить у родни бедолаги, получить премию по службе, одним словом, урвать.

Федину сделалось страшно: полиция, вместо того чтобы бороться с преступным миром, создавала видимость борьбы, убивая людей.

Попирались все мыслимые и немыслимые нормы поведения.

И такое имели наглость назвать сотрудничеством!

Сгорая от негодования, Федин спросил:

— Алексей, ты на такое согласен?

Видя, как внутри того тоже кипит, произнес:

— Дайте нам время. Мы подумаем и дадим ответ.

Боясь, что студент не выдержит и смалодушничает, под руку вывел в коридор. И оттуда — из отдела.

Ему отчетливо представилась игра, которую повели следователь с сыщиками, вытягивая адвоката со студентом в грязное дело, при этом не давая осуществлять защиту.

Миколайчук, скрипя зубами, отдал Федину постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Путилина.

— Раз, — адвокат спрятал лист в портфель.

Постановление о привлечении Путилина в качестве обвиняемого.

— Два...

Копии протоколов его допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого.

— Три, четыре.

Все, что до поры прятали от неугодного адвоката.

Федин увидел, что навешали на Лешу и какую бяку подложила парню московская адвокатесса Марьева: подписала постановление о привлечении в качестве обвиняемого, при предъявлении которого не была, протоколы допросов студента, составленные следователем Миколайчуком... Одним словом, утопила.

Путилин оправдывался:

— Я ему не предлагал гашиш. Это он названивал мне весь день.

«Не было сбыта, а была провокация», — так юридически определил поведение оперов Федин.

На этот раз не обошлось без казусов. Еще в отделе к ним пристал детина. От него отдавало перегаром. Он назывался опером из соседнего отдела, бравировал знакомством с операми и следователем, настаивал на том, чтобы его попросили помочь:

— Мне стоит попросить Миколайчука. Прикроет дело. Только это будет стоить...

Федин видел, как коробило мать студента: ей уже ночью предлагали.

Детина заглядывал к Миколайчуку в кабинет, с умным видом выходил и подзывал в сторону:

— Ну, надо тысяч... — и показывал пальцами.

— Чего? — выпучил глаза Федин.

Детина вывел пальцем «S».

Федин видел игру, какую повели полицейские и, боясь оплошности от Лешы и его матери — еще клонут, поедут за деньгами, и тогда Леша еще загремит по даче взятки, принимал «удар» на себя.

«Гады! — рвалось из него. — Нет, чтобы отстать, так новые подставы!»

Когда детина увязался за ними и предложил сесть в его машину, Федин махнул матери и ее сыну:

— Скорее на остановку.

Они ускорили шаг, рискуя поскользнуться.

— Будьте осторожны, — предупредил Федин, когда детина чуть отстал. — С ним нельзя общаться. А тебе, Леша, лучше из института сразу домой. И не выходить.

— Ты понял? — до матери дошли планы детины.

Только сев в маршрутку, успокоились: фигура преследователя растворилась в морозном мареве.

4

Тем временем мать студента вызвали в службу собственной безопасности московской полиции.

Она написала объяснение, как у нее вымогали сто тысяч и пятьсот.

Адвокат нервничал:

— Борцы с взятками! Месяц прошел с момента сообщения, а они только спохватились.

Оэсбешники показывали матери фотографии оперов.

Она узнавала:

— Этот вымогал. Я его видела в отделе.

— А вы не обманываете? — спрашивала подполковник из службы безопасности.

— Нет, я помню хорошо.

— А если полиграф пройти?

— Я согласна.

Федин потом матери студента по телефону:

— Только благодаря вашему звонку 02 Лешу не закрыли. Они почувствовали, что вляпались. И теперь от вас бегают...

— И от вас. Вы же не пошли на сделку с совестью, как Марьева.

Федина бесило: в стране на каждом углу вещали — «Борьба с коррупцией!» А конкретным фактом занялись спустя месяц! Упущены доказательства. Вместо того чтобы взять с личным, тянули время. Так поступали только повязанные с полицией оэсбешники.

В начале второй декады февраля Федин ехал в Москву, надеясь обязательно посетить Одинцово.

Поезд донес его до столицы за семь часов. Потом быстро домчал до метро, где его ждали студент с матерью.

Переступая лужи, они вышли на площадку маршрутки.

Скользя по таявшей поверхности, двигались от остановки маршрутки до отдела полиции.

— Снова свалит, — сетовал Федин, поднимая для равновесия портфель, чтобы не упасть.

К удивлению, Миколайчук оказался на месте.

Сухо бросил на стол скрепленные степлером листы:

— Читайте.

Федин рассчитывал, что следователь повторит прежнее постановление о привлечении в качестве обвиняемого и у него будет повод возразить: повторно по одному и тому же обвинению допрашивать нельзя.

Но Миколайчук словно предвидел возможные шаги неугодного адвоката и исправил постановление.

Допрос Леша прошел формально: без лишних вопросов и ответов. Федин толь-

ко следил, чтобы студент не сказал чего-нибудь лишнего. И когда тот только начинал уходить в сторону, наступал ему под столом на ногу.

— Завтра ознакомление, — сказал следователь, забирая подписанный протокол.

— Давайте с утра, — попросил Федин. — У меня поезд в 15.20...

Следователь на секунду-другую задумался и:

— Ладно, в 12.

— Только чтобы дело было прошито и пронумеровано, — предупредил Федин.

— Само собой разумеется, — хмыкнул лейтенант.

Вместо Одинцово Федин поехал на квартиру к студенту. Надо было приготовить бумаги, которые помешали бы следователю направить дело в суд.

Мысли о внучке еще присутствовали в сознании адвоката, когда он обходил лужи по снежным кучкам, а за ним еле поспевали мать с сыном, но их постепенно вытесняли другие.

«Ничего, детка, мы еще наверстаем», — успокаивал адвокат себя.

До полуночи Федин набирал на компьютере заявления, студент потом распечатывал. Они собирались передать их Миколайчуку сразу после ознакомления с делом и срезать наповал.

Федин с Путилиным приехали к следователю раньше.

— 11.30, — адвокат посмотрел на циферки на сотовом.

Миколайчука на месте не оказалось.

Вспомнил, как тот прятался в туалете, и рассмеялся.

Приходилось ждать.

В 12 часов 02 минуты Федин позвонил:

— Где вы?

— Да на осмотр попал. Сейчас приеду, — бодро ответил следователь.

— Снова отмазка? — спросил студент адвоката.

Федин пожал плечами.

Прикинул: «Поезд в 15 часов 20 минут. До вокзала добираться полтора часа. Выхать нужно не позже 13 часов 50 минут. Время еще есть».

Следователя все не было.

Федин нервничал.

Хватался за ручку написать заявление: вы, такой сякой, не пришли вовремя, я вынужден был уехать, не ознакомившись.

И только еще более раздражался.

В 12 часов 40 минут снова позвонил:

— Вы что, совсем...

— Через 15 минут буду.

— Может, в туалет сходим, проверим? — предложил студент.

— Нет, надо ловить здесь, — ответил Федин и снова глянул на сотовый. — На все про все остается минут сорок.

Алексей тоже нервничал, хотел отойти покурить, но Федин сдерживал:

— Ты что. Сейчас не до курева!

В 12 часов 55 минут появился следователь. Не здороваясь, открыл кабинет, быстро прошел в комнату, вытащил из сейфа огромную папку и положил на стол.

— Знакомьтесь.

Федин поставил портфель на стул, достал фотоаппарат, собираясь сначала отснять дело.

Но только приоткрыл корочки, как:

— Не прошито и не пронумеровано! — вырвалось из него.

Листы в беспорядке лежали в папке. С таким делом он не стал бы знакомиться и под пистолетом.

Знал, сколько могут насовать в непрошитое и пронумерованное дело бумаг следователи.

Миколайчук невозмутимо:

— Сейчас прошью.

Потянул к себе том, сдвинул листы. Откуда-то вытащил цыганскую иглу и стал прокалывать пачку листов.

Видя такое, Федин сел, вытащил чистый лист, стал писать:

«Прошу предоставить дело в прошитом и пронумерованном... как требует закон».

Следователь и адвокат будто соревновались: следователь шил, а адвокат писал.

Рука у адвоката тряслась, надо было написать два экземпляра заявления: один — в дело, другой — для себя.

Кончик шариковой ручки цеплялся за ворсинки на бумаге. Боковым зрением Федин видел, как следователь делал одну дырку за другой.

Студент с интересом наблюдал за поединком юристов.

Федин протянул лист:

— Вот вам мое заявление. Возьмите.

Следователь, уколовшись:

— Ай! Не возьму.

— Возьмите и распишитесь на втором экземпляре, — потребовал адвокат.

— Не возьму и не распишусь.

Федин понял, что пройдет еще несколько минут, и Миколайчук дошьет дело, пронумерует, отдаст для ознакомления, и тогда уж он точно опоздает на поезд.

Что делать?

«К начальнику, — мелькнуло в голове Федина. — Но тот все поймет и придержит у себя».

Он упустит драгоценное время.

В голове промелькнуло: сдать в канцелярию.

Выскочил в коридор, дернул дверь канцелярии.

Закрывать!

Теряя надежду, постучал.

К его нескрываемой радости дверь открылась.

Из проема выглянула секретарь-девчонка.

— Примите, — взмолился.

— Но у меня перерыв...

— Штамп только поставьте. Я из Воронежа.

Говорил, боясь, что секретарь пойдет к Миколайчуку и тот отрежет:

— Ни в коем случае не бери.

— Но у вас нечетко написано, — уже делала замечания, рассматривая лист, секретарь.

Федин приложил лист к стене, дописал еще более трясущейся рукой несколько слов и:

— Я на поезд опаздываю.

Видимо, ссылка на Воронеж подействовала.

— Натe, — секретарь протянула второй лист со штампом.

Он готов был ее расцеловать, кинулся к кабинету Миколайчука.

Схватил со стола фотоаппарат.

— Пошли! — бросил студенту.

Видел, как, ругаясь матом, работал иглой следователь.

— Подождите, я сейчас, — летело вслед сбегающим по лестнице адвокату и его подзащитному.

Федин крикнул в ответ:

— Я в прокуратуру.

— После прокуратуры приходите...

— Ага, выкуси... — подмигнул Алексею.

Они доехали до метро, где в холле Федин надиктовал студенту заявление, которое тот должен был сдать в прокуратуру, помахал ручкой и нырнул на эскалатор в подземку.

— Пусть подергается.

Студент возвышался над турникетом и ничего не понимал.

5

Вытирая пот с шеи, Федин вбежал в уже отходивший от перрона вагон:

— Успел... Теперь меня не достанешь! — мысленно помахал кулаком Миколайчуку.

Ехал в поезде. Его донимала жара: сквозь стекло припекало спускавшееся с небосклона светило. Изнутри жарил горячий чай, который пил чашку за чашкой.

На коленях, как рыбка, подпрыгивал сотовый телефон.

По номеру определял: «Следак».

Звонок обрывался после десятка гудков, после снова раздавался и снова прекращался в зоне недосягаемости.

Федин представлял, как мечется по кабинету следователь, и его распирало от чувств: «Так тебе! Вспомни, как прятался в туалете! Сделал из студента несущку! Нести яйца раскрытых преступлений! Звания, бабки, ордена получать! Вас сажать за это надо!»

Утром звонила мать студента и рассказывала, как ни свет ни заря подняла трубку. Это оказался следователь. Он ругался матом, поминал адвоката последними словами, требовал срочно прибыть.

Федин спокойно произнес:

— Скажите ему, что я в Воронеже.

Через час Федин поднял сотовый.

Оттуда ласковым голосом раздалось:

— Дело прошито, пронумеровано. Когда приедете?

Федин хотел и тут пощипать самолюбие лейтенанта, но особо издеваться не стал и обещал появиться в конце недели.

В пятницу переворачивал ровно сложенные, прошитые и пронумерованные листы.

Фотографировал.

Миколайчук хихал, кашлял и пристально следил за кропотливым трудом адвоката. Желая скорее избавиться от воронежца, Миколайчук отвлекал:

— Вам чайку? Кофе?

— С каких это пор такое внимание.

— А у нас ко всем хорошим людям повышенное внимание, — давился кашлем лейтенант.

— Лучше вы попейте.

— Мне это уже не поможет.

«Тебе многое что не поможет», — пронеслось в голове Федина.

Он знал, как одного адвоката угостили так, что увезла карета скорой помощи в больницу.

Федин среди листов увидел купюры в прозрачном пакете:

- Это что?
- Меченые деньги.
- Которые использовали сыщики.
- Они самые.

Студент внимательно просмотрел каждую купюру.

Сфотографировав том, Федин заново просматривал каждый лист и что-то пометал в тетрадку.

Следователь ходил из угла в угол и сморкался.

— Где ж вы так простыли? — спросил Федин.

— Да с такими, как вы...

— А что, таких много?

— Попадаются...

Федин не хотел упустить ни одного мало-мальски значимого прокола Миколайчука.

Рядом сидел и часто дышал студент.

Видя, как извел лейтенанта, Федин счастливо потянулся и произнес:

— Давайте протокол, мы закончили...

Со студентом расписались в протоколе, отчего следователь вдруг просиял и крепко-крепко пожал каждому руку, надеясь расстаться навсегда.

— Я сегодня отнесу дело прокурору.

— Не надо сегодня, — сказал Федин. — У нас будут ходатайства.

— Давайте, я их рассмотрю.

— Но мы их лучше сдадим, — Федин понимал, что следователь может его бумаги выкинуть в урну.

Федин встал, прошел в канцелярию, где сдал девушке-секретарше заготовленные еще в прошлый приезд заявления, от которых у следователя глаза должны полезть на лоб: об адвокате Марьевой, которая обязана была быть при предъявлении обвинения и при допросе студента, а ее не было; о взятке, которую тянули с матери студента сыщики, а решения по взяточникам нет; просил допросить мать студента и бабушку, которые прояснили бы все о взятке и об адвокате Марьевой, одним словом — подложил под Миколайчука бомбочки!

Давясь от смеха, адвокат со студентом шли по тротуару и не чувствовали вернувшейся зимы.

Федин уезжал тем же поездом.

Через сто километров наслаждался красотами Коломны, которую будто в тиски взяли Москва-река и Ока, и смеялся:

— Проучил коротышку.

Только откуда-то издали словно попискивал ребенок, которого и на этот раз не смог навестить.

— Прости, детка, — говорил, обращая взгляд на наросты в русле реки. — Одолеает другая забота.

Нужно было спешить к жене.

Жизнь то напрягала, то отпускала адвоката. Давало о себе знать московское дело. Следователь точно свихнулся: ночью вызвал студента в отдел. Пытался замазать грехи, которые выявил адвокат после ознакомления с делом. Заставлял Лешу задним числом написать отказ от адвоката Марьевой, которая должна была присутствовать на следствии, но от обязанности уклонилась, и теперь давил:

— Пиши: «Мне не нужна адвокат Марьева...» И дату поставь ... декабря...

— Сейчас февраль.

— Декабрь ставь! — ругался на чем свет стоит Миколайчук.

— Не буду, — уперся Алексей.

Следователь хотел вырвать лист, но Путилин прижал его локтем к столу и вывел: «... февраля ...»

— Что ты делаешь?! — от визга Миколайчука проснулись полицейские в дежурке.

Дата об отказе после окончания расследования сводила хлопоты следователя на нет.

— Я тебя!..

Приезд в отдел мог закончиться для студента плачевно, но выручили его мать и бабушка, теперь безотлучно сопровождавшие Лешу.

Через несколько дней следователь опять объявился: потребовал от студента получить обвинительное заключение. Выходило, прокуратура пошла у Миколайчука на поводу: утвердила обвинительное и не отправила дело назад.

Федин советовал Путилину:

— Нельзя бежать впереди паровоза!

— Так мне идти за обвинительным или не идти?

— За обвинилкой не ходи!

Потом сутки переписывался с Алексеем по интернету и посылал бумаги, которыми хотели отбить очередную волну наступления прокурора и следователя.

За полночь Федин получил сообщение:

«На заявление о взяточниках пришел ответ: “Не нашло объективного подтверждения”».

— Преступники! — рвалось в темноту комнаты, которую освещал монитор адвоката. — Кругом кричат: схватка с коррупцией не на жизнь, а на смерть, а на деле — одна брехня!

Крик разбудил жену.

Говорил ей, стоящей в дверях в халате:

— Представляешь, три месяца мурыжили заявление матери! Вместо того чтобы молниеносно схватить с личным.

— Какой матери? Кого схватить, — не понимала жена и попросила: — Иди спать.

— Да как тут спать...

Федина злило вранье, которое разъедало общество. Его просто терзало: изменится ли жизнь к лучшему, когда подрастет его внучка? Но об этом жене говорить не стал.

Какие только бумаги ни посылали, сколько ни ругалась мать студента с прокурором, волну не отбили: обвинительное заключение ее сыну вручили.

Дело ушло в суд.

Слушание назначили через неделю на среду. Переждав ближайшие выходные дома, Федин в понедельник уехал в Москву. На метро добрался до станции «Петровско-Разумовская», вдоль киосков по тротуару дошел до станции электрички, оттуда мимо кинотеатра по Дмитровскому шоссе спустился вниз и за переходом, повисшим над шоссе, увидел похожее ровными фасадами и большими окнами на школу здание суда.

— Свежо, — вытер пот с лица.

На крыльце его ждал Леша.

Федина досмотрели, копаться в его походной сумке с бумагами, кодексами, кипятильником, стаканом и бутербродами, с которыми отправила его жена, не стали.

А студента три раза гоняли через раму металлоискателя, заставляя выложить из карманов все вплоть до носового платка.

— У нас судья Хренкова, — сказал Алексей.

Федин удивлялся, когда люди на таких должностях оказывались с неблагозвучными фамилиями.

— Она что, так и станет читать: «Приговор. Именем Российской Федерации судья... Хренкова...»

Мол, пошла ты на хрен.

— Заместитель председателя, — добавил студент.

Федин еще больше озадачился. Новость действовала двояко: успокаивала — зампредседателя не очень-то будет слушать прокурора; и — леденила: влечь может по самое никуда.

Адвокат и его клиент поднялись на лифте на третий этаж. В похожем на спортивную дорожку холле желтели двери. Одна из них в глубине ближе к окну оказалась с табличкой: «Заместитель председателя...»

Когда к ней подошла и скрылась моложавая шатенка в сером костюмчике, Федин подумал: «Помощник судьи».

Заместитель представлялась если не гром-бабой, то уж никак не скромной интеллигентной, чем повеяло от этой, видимо, следящей за собой женщиной.

Свернув обход суда, Федин с Лешей спустились на первый этаж и сели в стеклянной комнате просматреть дело.

Федин хотел сверить нумерацию листов, которую переписал при ознакомлении.

— Сейчас том пролистаю.

Федин как в воду глядел!

С первых листов обнаружил подмены: вместо листов, которые он смотрел и отснял, были вложены другие.

«И тут бяку подложил следак».

Чем дольше просматривал, тем больше находил подделок.

— Что за наглость! Я что, должен заново изучать все дело?! — вырвалось у адвоката.

Студент смотрел на него, открыв рот.

Федин огляделся: не окажется ли среди сидящих в «стекляшке» женщин адвокат Марьева, которую они уличали в подлоге: та не присутствовала при допросах студента, но подписала протоколы.

Федин сравнивал с прежними записями и записывал: «Лист. Вместо прежнего листа»... «На листе было постановление. На одном листе. Теперь постановление на двух листах».

Нашел в портфеле копию прежнего постановления:

— Ого! Постановление поменял.

Вспомнил, что фотографировал прозрачный пакет с купюрами.

Теперь пакета с купюрами не оказалось.

— Деньги из дела пропали! — вырвалось из адвоката.

Такого он не мог допустить.

— Следователь стырил? — выпучил глаза студент.

Адвокат нервничал. Его выбивало из равновесия. Он запутывался в том, что заменено, на что заменено, какие листы, какие фразы, и взмахивал руками:

— Леша, ты бы лучше взял другого адвоката.

— А что такое?

— Видишь, что творят.

— Мне не нужен другой. Мы хотим только Вас.

Федин думал, что избавился от следователя, а оказалось, опять во что-то встретал. Вроде в прошлое ушли игра в кошки-мышки, туалет, куда прятался следователь, непрошитый и непронумерованный том, ночные вызовы студента, однако он умудрился подменить десятки листов.

За годы своей адвокатской жизни Федин повидал всякое: как хватали монахинь, которые по чьему-то навету будто бы похитили деньги и даже ругались матом — с адским трудом их освобождал; как на мальчишку пытались списать украденные участковым цистерны с бензином — ездил в суд и добился оправдания; как бился за десятерых сотрудников милиции, которые вступились за честь убитого бандитами коллеги — рвал глотку в областном суде; как генерал вышвырнул из полиции майора — заставил суд отменить приказ; как его младшего сына полковник отстранял от службы и кричал: «Ты пьян!» — а тот вовсе не пил, и даже клеили ему употребление наркотиков...

Повидал многое. И прокуроров, которым надо не обвинять, а самим садиться на скамью подсудимых.

И вот новая нагрузка лежала на его сердце.

— Как только прокурор мог не заметить такое! Или он с ними заодно? — не выходило из головы.

7

В суде его ждали студент, его мать и бабушка.

Заглянул в кабинет секретаря:

— Адвокат из Воронежа прибыл, — сказал недавней школьнице. — И сам обвиняемый.

Бабуля достала термос, налила оттуда в чашечку чай:

— Согрейтесь, — предложила адвокату.

Другой бы адвокат смутился: чего это вы меня кормите, ведите в ресторан, но Федин:

— Голова свежее будет.

Взял чашечку.

Бабуля подала пирожок.

— Спасибо.

Минут через десять заметил грудастую женщину в синей прокурорской форме младшего советника юстиции, которой было хотел отпустить комплимент по случаю юбилея их системы, но язык не повернулся.

Сразу позвали в зал. Через минуту за стол напротив села запыхавшаяся младший советник, попросту — майор.

«Куда-то бегала».

Федин сутулился, готовясь к бою с майором.

На место председательствующей прошла шатенка в мантии, которую он принял за помощника судьи.

Вспомнил: «интеллигентная».

Явно не «хреновая».

Сразу удивила адвоката вопросом:

— Что там у вас?

— Да вот, подали ходатайства, — сказал и подумал: «Другая бы рыкнула: “Ты че тут прислал!”»

— Мы хотим исключить недопустимые доказательства. Это допросы моего подзащитного. Они без участия второго адвоката, — остановился, вспоминая фамилию, но судья подсказала:

— Марьева.

— Мы позавчера смотрели дело, там столько подмен! Нет листов. Постановления изменены. Деньги куда-то делись. У вас в заявлении все указано...

— А что сейчас просите? — спросила судья.

— Вернуть дело следователю. С таким браком нельзя идти в суд.

— Понятно.

Заметил, как в зал вошел мужчина в черной форме.

«Пристав, — пронеслось. — Хотят сразу арестовать студента! Вот зачем уходит прокурорша».

Поняв остроту момента, повысил голос:

— У нас есть доказательства того, что адвоката Марьевой не было. В коридоре мать студента. Бабушка. Они были в ту ночь, когда его задержали, в полиции. Допросите их, они расскажут все...

Заметил, как заерзала прокурор, как повела плечами судья.

Адвокат понял: висим на волоске. Сейчас откажут и закроют студента.

— У матери есть распечатки звонков, когда ей звонил следователь. Требовал адвоката. Это было уже после допроса. Выходит, Марьева появилась позже. Мы просили следователя допросить мать и бабушку. Он отказал...

Судья посмотрела на прокурора.

Теперь та пожалала плечами. Видно было, что она на самом деле несведуща или прикидывается.

«Вот, прокуроры непорочные».

— Зовите бабушку, — сказала судья.

«Видимо, из уважения к старости», — подумал адвокат и добавил:

— Давайте сначала мать. Она больше знает.

— Хорошо.

Вошла мать Леши, стала рассказывать:

— Пропал сын. Мы стали искать.

Адвокат:

— Вы расскажите, что знаете насчет адвоката Марьевой.

— Мне в 22 часа, — склонилась к листу: — 23 минуты позвонил следователь. И сказал: «Мне срочно нужен ваш адвокат. Если его не будет, я сам вам дам». То есть адвоката еще не было.

Федин:

— Скажите, у Вас распечатка звонков есть?

— Да, вот.

— Можете показать этот вызов?

Мать подошла к прокурору:

— Смотрите.

Та:

— А откуда я могу знать, что это телефон следователя.

— Но он нам давал именно его, — произнес адвокат. — Покажите судье.

Судья посмотрела, что-то записала.

Полистала дело, нашла протокол:

— Допрос был с «21 часа 50 минут» до «22 часов 20 минут»... А звонок в 22 часа 23 минуты. Выходит, адвоката...

— Нема! — поднял руки Федин.

Заметил, как по чьей-то негласной команде пристав вышел. На душе отлегло: закрывать студента не будут.

Мать рассказала все в деталях.

Бабушка еще красочнее.

Прокурор в день юбилея ее ведомства сидела как камень. Без единой эмоции на лице.

— Следователь 28 февраля приглашал писать отказ от адвоката, — снова встала мать.

— Как, ведь прошло уже ознакомление! — все больше удивлялась судья.

— И я о том же! — привстал и сел Федин.

Все становилось на свои места, и то, о чем трубил адвокат, наконец-то услышали.

Младший советник юстиции поправила китель:

— Прошу перерыв, надо разобраться.

— Можно только назначить на вторую половину дня, чтобы я приехал утренним поездом, — попросил Федин.

— Хорошо.

Заседание отложили на неделю.

— Если будете опаздывать, позвоните, — вставая, сказала адвокату судья-интеллигентка.

Счастливым выскочил в коридор адвокат и, отведав Лешу, его мать и бабушку на лестничную клетку, сказал:

— Вы догадались, что она хотела?

— Кто? — спросила мать.

— Эта стерва! Прокурор.

— Нет... — мать стояла, не понимая.

— Лешу закрыть?

— Куда закрыть?!

— Ну, арестовать. А благодаря вам не получилось!

— Почему?

— Вы же выложили столько нарушений.

С ощущением маленькой победы шли по продуваемой улице и, не чувствуя мороза, фонтанировали: бабушка и мать — как у них получилось защитить Лешу; адвокат — как теперь будет спускать три шкуры со следователя, который столько наворочал.

8

Через несколько дней Федин снова был в Москве. Встретились со студентом, его матерью и бабушкой в суде. Федин откусывал пирожок, запивал чаем и волновался: приведут или не приведут Миколайчука, который допустил столько проколов; появится ли адвокатесса Марьева? Их появление обещало схватку не за страх, а за совесть.

При виде любой женщины в холле спрашивал у студента:

— Это не Марьева?

— Нет.

У адвоката вызывал волнение любой человек в холле.

Из лифта вышла и, проходя мимо, мягко поздоровалась прокурор-майор.

Китель плотно облегал ее мощное тело и груди.

Она прошла в зал.

Адвокат со студентом зашли следом.

Заседание началось. На прокурора не произвели впечатления заявления Федина. Она высказалась отрицательно относительно всех упущений следствия: доказательства незаконные, адвоката Марьевой не было, заявления о взяточниках не разрешены, листы подменены, постановления исправлены.

Сказала:

— Все возникшие недоразумения можно будет разрешить в ходе судебного разбирательства.

Студент сидел, сложив руки на коленках, и ерзал.

Адвокат не особо удивился. Поднялся, пытался объяснить суду, почему дело следовало вернуть в прокуратуру, и заострил:

— Ведь в деле были деньги. А они где?

Это, казалось, должно сбить с ног: коррупция замаячила на горизонте. Если деньги выкрали из дела, что можно еще сказать о таком следователе. Тут пахнет решеткой ему, а не студенту!

Вышли в коридор в ожидании постановления судьи.

Адвокат нервничал:

— Признает недопустимыми... Отправит дело назад... Снова будет следак и будем бодаться...

Мать студента воспринимала происходящее по-своему: дело непременно прекратят.

— А если признают недопустимыми, значит, и дела нет! Обвинение с Марьевой? А ее не было. Нет и обвинения, — адвокат объяснял тонкости матери и бабушке.

Алексей ходил с высоко поднятой головой.

Когда зашли, судья произнесла тихим голосом:

— Отклонить ходатайства. Назначить заседание...

У адвоката на душе всколыхнулось: как это так! И как-то сразу отлегло: не придется таскаться со следователями и портить нервы.

Студент ходил:

— Ничего не понимаю! Ничего...

Его мать тоже стояла в ступоре.

А адвокат объяснял, в чем им отказали.

— Но это же незаконно! — восклицала бабушка.

— Да у них столько незаконного, — говорила более сведущая мать.

— Но она нас все равно услышала. Если что, судья увидела, сколько наворочал следователь.

Алексей подошел к адвокату сбоку:

— Так скажите, это все в порядке вещей? Что заменил все в деле! Что Марьева была, а ее не было.

И теперь Федин отбивался, говоря:

— Но судья услышала.

— Одна шайка-лейка! — вдруг на весь холл выдала мать Алексея и добавила:

— Так что будет суд?

— А вы что думали, что не будет? — вопросом ответил Федин.

— Ну, все же здесь.

— Я тоже надеялся.

А студент:

— Я ничего не пойму!

Адвокату стало тошно: следователь столько наворочал — и ему все сходило с рук, а вот Алеше не сошло, и его тащили дальше.

— Такая несправедливость не укладывается в голове.

Они вышли на улицу. Адвокат еще что-то пытался объяснить, хотя ему требовалось всего-то сказать, что суд также повязан с полицией и прокуратурой. Но произнести это до поры не решался. В голове кружились мысли, что все равно их услышала судья, что это маленькая адвокатская удача, хотя на такую удачу, по большому счету, студенту было начхать.

Алексей пошел до метро пешком, адвокат поехал с его матерью и бабушкой на автобусе и оправдывал судью. А когда остался один и за окнами зачернела стена

подземки, ему сделалось стыдно за систему, где он, так или иначе, состоит, которая калечит людей: все остро чувствуют неправоту, а их убеждают в обратном.

Ему стало стыдно за себя, что проглотил решение судьи; иными словами, не лег «под поезд», чтобы остановить его движение. Хотя разве остановил бы?! Его бы просто переехали.

Стыдно за интеллигентку-судью, которая не поддержала адвоката и студента.

Стыдно за все, к чему оказался причастен.

Многое билось в нем, а он и не подумал перед Алешей, его матерью, бабушкой повиниться.

А лишь произносил:

— Система...

9

Вскоре Федин снова сидел в московском суде. Суд шел дерганно: адвокат и Алексей хотели увидеть вымогателя и доносчика, кто заложил студента, но его не приводили.

— Сколько же лет агенту? — спросил Федин.

— Моего возраста, — ответил студент.

Не пришли понятия.

Но в суд явились два опера из трех, которые «работали» в ту злосчастную ночь с Алексеем. Эти двое задерживали его и досматривали. Теперь они извивались, как ужи на жаровне. Видимо, чувствовали свою неправоту, но сознаться не позволяла царившая в системе круговая порука.

Брякал что-то мордатый прокурор, сменивший грудастую майоршу.

Допросили Алексея, и когда казалось, суд не сможет и шагу сделать дальше, он просто обязан оправдать, судья объявила прения, которые для адвоката прошли на подъеме.

Федин в обычной для себя манере вытащил из портфеля пачечку листов, прокашлялся и начал читать. Сначала ласкал словами, а потом стал прессовать «противную» сторону — прокурора, все чаще отрываясь от текста и «сшибая» «камни» обвинения: Студент не сбывал... Его уговаривали... Была провокация... Вместо закупки — вымогательство, взятки...

Покрасневший и взмокший от пота прокурор, произносил реплику, заикался.

Федин не преминул вбить еще несколько гвоздей в крышку «гроба» обвинения.

— Можно мне на оглашении приговора не присутствовать? — спросил судью, кладя перед ней на стол листы выступления.

— Да-да... — произнесла судья и удалилась в совещательную комнату.

Вышли в коридор.

Мать отдала Федину обещанный гонорар и спросила:

— Лешу оправдают?

— Вы сами видели, я об этом только и говорил.

— Но прокурор просил реальный срок.

— А почему он так потел? — Федин прищурил глаза.

— Понимаю, понимаю.

— Моя миссия исчерпана, — произнес адвокат. — Зачем вам тратить еще на один мой приезд. С Лешей придете, сами все узнаете и мне позвоните.

Может, он и хотел услышать слова благодарности за свой труд, но результата труда еще не узнали, и неясность не позволяла расшаркиваться.

Вместо лифта, который пришлось бы ждать, Федин свернул на лестницу и зачастил ногами по ступенькам вниз. Он снова спешил на дневной автобус, который до полуночи привез бы его в Воронеж.

Ехал, а грудь распирало: неужели вырвался из этого склочного дела, где сам

мог загреметь! Его активность мало кому нравилась. Опера могли отомстить, на что они были мастера.

Да и самого адвоката это дело измотало, и ни за что больше не хотелось появляться в Тимирязевском районном суде.

10

В Воронеже ждал: что же там? Оправдали? Осудили?

Ни Алексей, ни его родня о себе знать не давали.

Федин злился: ночью звонят, когда им надо. А когда адвокату надо узнать приговор, молчат.

Его распирало:

— Что за хамство! Понимают, что мне интересно. Да более того, я же воевал!

Что-то здесь не то.

И вот узнал: у них появился второй адвокат.

Снова московский.

«Неужели им недостаточно того, что обожглись о Марьеву?»

Но это был мужчина.

Когда с ним состоялся разговор, тот предельно корректно сказал:

— Четыре и три.

Федин понял:

«Осудили на четыре года лишения свободы условно с тремя годами испытательного срока».

То есть дали по самой нижней планке и оставили на свободе по статье, по которой получали только реальные сроки лишения свободы.

«Вот почему не звонили».

О Федине словно забыли. Молчали несколько жарких летних месяцев, когда он получал копии жалоб на приговор. Выходило: приговор обжаловали, но Фебина не подключили. Жалобы подал москвич. Федин думал: а на обжалование в Мосгорсуд позовут? Там должны рассмотреть жалобу. Но его не стали дергать. Видимо, надеялись, что минуют неприятности, проскочат с московским защитником. И уже привычно забывал дело, понимая, что каждая его работа имеет особенность: пока нужен, падают на колени и умоляют, а когда взяли свое — тут же напрочь забывают.

Все больше ухахивался на даче, засаживая, поливая, пропалывая грядки, обрезаая, окучивая ягодные кусты до той поры, пока не раздался звонок.

— Вы будете участвовать в деле? — спросил твердый мужской голос.

— Каком?

— В Тимирязевском суде.

Федин понял: приговор отменили, дело отправили на новое рассмотрение, а звонил судья.

«Значит, не оправдали. Но и не осудили».

И он:

— Но соглашения со мной не заключили.

Звонок Фебина коллеге-москвичу все поставил на свои места.

Тот рассказал, почему Мосгорсуд отменил решение:

— Агента не допросили.

Ну и там еще всякая мелочь.

И следом, как ни в чем не бывало, позвонила мать студента:

— Мы вас приглашаем...

Хотел упрекнуть: что же так ведете себя? Все лето молчали. Но решил не волновать женщину, которой и так досталось.

Снова собирался в Москву, радуясь, что не мотался в столицу в самое пекло. Пришел перевод: финансовые вопросы решились, и он купил билет.

Его нес на север все тот же поезд. Все так же добирался на метро до «Петровско-Разумовской», выбирался из катакомбной глубины на свет, пару километров шагал пешком.

На четвертом этаже нашел кабинет судьи:

— Тогда дело слушала зам на третьем.

Пил в холле чай и просматривал запылившиеся листы, когда мимо прошел и сухо поздоровался с ним Алексей, подошла его мать и засыпала вопросами:

— А вот это как. А вот это...

Федин ждал встречи с москвичом-коллегой.

Тот опаздывал.

— Он в пробке, — сказал Алексей.

Федин давно заметил некую распущенность столичных защитников. В Воронеже судьи вымуштровали адвокатов и слабинку им не позволяли. У самого Фебина в практике было дело, когда он отсудил львиную долю универмага благодаря тому, что адвокат противной стороны опоздал всего на десять минут!

Вот появился одетый с иголочки красавец в пиджачке и мягко поздоровался.

Адвокаты поняли друг друга с полуслова.

Федин в некоторой степени был благодарен москвичу, что тот не отмел его, а советовал пригласить на повторное рассмотрение дела. Это говорило о том, что им владел интерес студента: вдвоем легче защищать.

Заседание должно было рвануть с места в карьер, но адвокаты предъявили массу ходатайств.

Судья, поджарый, с челочкой и первыми залысынами на лбу, четко отрубал:

— Отказать...

Адвокаты продолжали по очереди вставать:

— Прошу...

Поднаторевший при прошлом рассмотрении мордатый прокурор даже не приподнимался:

— Я не согласен...

Судья парировал просьбы защитников:

— Я отказываю...

Причем делал это с такой легкостью, как если бы футболистом выбивал адвокатские мячи далеко за станцию метро «Петровско-Разумовская».

Алексей следил за диктофоном, который теперь открыто лежал перед ним на столе.

Как ни отбивался судья, дело отложили.

Когда через неделю Федин снова собрался ехать в Москву, ему прислали эсэмэску: «Перевод отправили. Спасибо».

«Поняли, что без меня тяжело», — бодрился Федин, получая в банке деньги от матери студента.

Тяжесть стала явью, когда за боковой дверью в суде оказался агент. Его в проход видел со своего места только судья, а не видели ни защитники, ни студент, ни прокурор.

— Сегодня допросим гражданина под псевдонимом Альберт, — сказал судья.

Агент хриплым голосом понес: Леха такой, сякой, предлагал гашиш, подонки, мразь.

Облил с ног до головы.

Теперь за агента взялись адвокаты.

— Гражданин под псевдонимом Альберт, скажите, а как вы попали в это дело? — спросил москвич.

— Ну как, мне позвонил Леха и предложил. А я решил его изблудить, пришел в отдел и рассказал все.

«Ну да, так мы вам и поверили», — подумал Федин.

Он вспоминал предложение сотрудничать начальника розыска: уговорить однокорусника достать наркотики, вытащить на территорию, обслуживаемую отделом, а опера его «хлопнуть».

Федина мутило от иностранного имени «Альберт». Хотя понимал, что даются имена «с потолка»: берут на А, потом на Б, на В, и у доносчика по метрикам могло оказаться самое расхожее имя Витя, Женя, Ваня.

— А вы звонили Путилину? — спросил Федин.

— Он звонил мне, — как отрезал.

— Вот распечатка звонков, из нее видно, что вы звонили двенадцать раз.

— Ну и что?

— Как ну и что?! Получается, вы уговаривали Путилина купить наркотики, а не он вас.

Через судью передали распечатку.

— Пуцдай, — последовал ответ «Альберта».

Адвокаты атаковали по очереди. Агент просил воды, отказывался от ранее сказанных слов, кричал «Не буду отвечать», в который раз просил распечатку телефонных звонков и что-то говорил невнятное.

Адвокаты, как клещами, вытаскивали ответы.

Суд объявлял перерыв, после чего заседание возобновлялось.

Когда «Альберта» окончательно приперли к стенке, Федин охрипшим голосом спросил:

— Сколько у вас было таких дел?

— Каких? — прохрипел «Альберт».

— Чтобы вот так помогали операм.

— Сорок, — ответил.

Мороз побежал по телу присутствующих: агент возраста студента уже успел «сдать» 40 душ!

Это было невероятно.

Из Федина рвалось: «Вот почему полицейские почивают на лаврах! Только с «Альбертом» столько посадить! Угробить столько сыновей! Их матерей, отцов, дедушек, бабушек...»

Отдел полиции, где следователь прятался от него в туалет, где начальник розыска предлагал вытаскивать на его территорию студентов, где у матери вымогали взятку полмиллиона, вдруг представился крематорием, в котором непрерывно дымила труба.

Допрос начался в двенадцать, а закончился в семнадцать пятьдесят пять. За окном гуляло — рвало листву с крон деревьев и кренило стволы, грозя поломать.

Федин ехал в автобусе в Воронеж, а в ушах стучало:

«Сорок душ!»

Повидавшего виды адвоката это убивало.

Теперь ему приходила эсэмэска о переводе с привычной допиской: «Спасибо».

С привычным «в пробке» — тютельница в тютельница, чтобы его не ругали, — приехал в суд холеный адвокат и отзывал коллегу в сторону, где тихим голосом советовался, что предпринять.

Только начиналось заседание, повеселевший прокурор вываливал доказательства, которые могли бумерангом ударить и по нему.

Смотрели видеозапись досмотра студента в кабинете, когда его «хлопнули».

Она оказалась разорванной на три части.

Возникал вопрос: что происходило между записями?

На пленке увидели, как худющий опер полез в карманы студента и вытаскивал оттуда и клал на стол деньги, ручки, сотовый телефон, документы — и вот вытащил из заднего кармана джинсов деньги.

А другой покруглее что-то писал на столе.

— Двести рублей, — опер показал купюры.

И:

— Серии сошлись с теми, какие взяли для контрольной закупки.

Увидели, как, прерывая досмотр, студент воскликнул:

— Этих денег не было! Я в карман не клал.

Адвокаты переглянулись: подкинули.

Студент в камеру говорил:

— Это не могло... Не могло быть!

Внутри у адвокатов поднялось: что ж так грязно работают опера!

Студент вскочил:

— Вы понимаете, у меня же руки в наручниках. Мне в задний карман засунули.

— Путилин, сядьте! — прикрикнул судья.

И что-то пометил.

А прокурор как будто ничего не слышал. За годы адвокатской практики Федин привык наблюдать спокойствие людей из ведомства «ока государева», которым следовало первыми протестовать, и теперь не удивился поведению столичного обвинителя. «Они воют только тогда, когда это касается личного», — с горечью подумал Федин, зная клички известных ему прокуроров: «Коммерсант», «Хапуга», «Газовый магнат»...

Когда под россыпью звезд Федин неся по асфальтовому полотну в переваливающемся с боку на бок автобусе, он не знал, что качается больше: мир или автобус. Вспоминал свое милицейское прошлое, когда и в страшном сне не мог бы подумать по-оперски «хлопать» неоперившихся пацанов и подбрасывать им деньги в карманы.

Сойдя с автобуса, шел по изредка освещенным тротуарам Воронежа, где из каждого переулка на него могли напасть, и, может, даже и желал чего-то острого.

Заспанной встретила жена.

Обняла и спросила:

— Ну как?

— Да все нормально, — не хотел посвящать ее в ужасы современной адвокатской жизни.

...20 ноября в Москве сушь, но стужисто и холодно. Зато в зале суда по-привычному тепло.

Когда в клетку провели смурного, мощного детину, студент сказал:

— Куродоев.

— Который вымогал? — спросил Федин.

— Да.

— А почему в наручниках?

Студент пожал плечами.

«Видимо, посадили по другому эпизоду, — подумал Федин, и его как обожгло: — А эпизод со студентом замяли».

Начался допрос.

— А за что сидит свидетель? — поинтересовался Федин.

Судья что-то поправил под мантией и:

— Вопрос снимается. Он не имеет значения для дела.

«Чего-то бояться», — Федин переглянулся с рядом сидящим коллегой.

Куродоев огрызнулся: ничего не помню, ничего не знаю.

Чем разозлил даже прокурора:

— Так вы участвовали в задержании студента?

— Да, это помню, мы его взяли в подъезде. После того, как нам сообщили, что гаишш передал, — переводил взгляд со своих рук в наручниках на руки студента без наручников.

Федин вспомнил, что в операции участвовало три опера: Куродоев только задерживал, а двое других — задерживали и оформляли.

Федин выбрал момент и снова спросил:

— За что судимы?

— Я уже снял вопрос! — судья ударил по столу кулаком с такой силой, что подпрыгнули лежащие на столешнице тома. — Запишите адвокату из Воронежа замечание.

Федин с москвичом надеялись, что бывший опер от обиды сдаст коллег с потрохами.

Но Куродоев оказался непробиваемым:

— У меня за последнее время столько своих проблем, что не упомянуть проблем других.

Федин хотел зайти с другой стороны:

— Вы мать студента знаете?

— Знаю.

— Откуда?

— Я ее провожал с КПП.

— А зачем?

— Она хотела встретиться с сыном.

— А разве разрешено тому, кого привлекают за тяжкое преступление, встречаться с матерью?

Хотел привести к вымогательству, но тот:

— Нет, я как отвел, так и ушел из отдела полиции.

«Следы заметал».

Федин хорошо помнил рассказ матери, как с нее теперь известный Федину Куродоев вымогал сто тысяч или пятьсот.

Теперь дошло, почему Куродоеву не вменили эпизод с вымогательством денег у матери студента: тогда бы дело развалилось изначально — в операции совершенное преступление, и сама операция получалась незаконной.

Борьба за честь мундира сыграла здесь свою плачевную роль.

— Эх, законники, — Федин поглядывал на сидевшего напротив прокурора.

Еще Куродоева не увели, как зашел худющий, как клещ, опер.

«Он вытаскивал деньги из джинсов», — Федин вспомнил видеозапись досмотра студента.

Худяк перекинулся взглядами с Куродоевым.

— Передай привет пацанам, — бросил арестант, когда конвойные выводили его из клетки.

Федину хотелось бросить:

«Лучше скажи, чтобы прекратил подставы! И деньги не вымогал!»

Начался допрос. Худяк вытягивался и огрызался: не помню, не знаю, много дел...

— В распечатке значится двенадцать звонков гражданина под псевдонимом Альберт. Скажите, кто же кого заставлял приобрести наркотики? — уставился на опера москвич-адвокат.

— При мне было только два-три звонка, — ответил худой.

— Но есть распечатка!

— Ничего не знаю, — отрезал.

— А двести рублей каким образом попали в джинсы студенту? — задал вопрос Федин.

— Я их только оттуда вынимал...

«Да разве такой ушлый сознается, что подкинули!»

Студент привстал:

— Я сразу сказал, что это не мои деньги. Давайте покажем ему видеозапись...

На что судья только поморщился.

Вопросы сыпались.

Опер выкручивался.

— При досмотре все вписали в протокол? — спрашивал москвич-адвокат.

— Конечно...

— А почему паспорт не вписан?

— Не помню...

— А что, у вас проблемы с памятью? — поддержал коллегу Федин.

— Я не пом-ню...

— А как же тогда с вашей профпригодностью? Память-то никудышная.

Федин смотрел на матерого сыщика: «Волчара! Сколько ты наворочал! Матерям, отцам и их сыновьям сколько принес бед!» — и чувствовал, как сам звереет.

Судья нервничал и гнал.

— Оглашаю показания понятых.

— Я против!

— Я против, — приподнялись по очереди адвокаты.

Они хотели допросить понятых с пристрастием: от них могли узнать о многих нарушениях сыщиков.

Но судья с металлом в голосе:

— Их дома нет. Вызвать невозможно, — раскрыл один из томов перед собой и принялся читать.

«Нарушение у суда», — переглянулись адвокаты.

Студент поймал их взгляды, заулыбался и повернул диктофон дырочками в сторону судьи.

Погода днем была плюсовая, ночью стала минусовая, хотя ноябрь подкатывал к концу. Федин словно балансировал вокруг нулевой отметки дела: окажется ли его Леша в плюсе и будет греться дома или — в минусе и будет мерзнуть в зоне?

— А снега нет, — поглядывал в окно автобуса.

Дорога покрылась наледью.

Автобус с адвокатом шел на юг тяжело и как-то неуверенно. И никому из пассажиров не хотелось даже показать нос на улицу.

2 декабря снова ехал в Москву.

Удивлялся снегам на полях.

— У нас в Воронеже еще не выпал...

Не чувствуя холода, спешил в суд.

За пять минут до заседания накачивал себя чаем за столиком в коридоре, понимая, что ни мать студента, ни его бабушка напитком из термоса и пирожками не угостят.

Увидел пузатенького мужика.

— Кто это?

Алеша оторвался от смартфона, сощуренно посмотрел:

— Опер.

— Какой?

— Он записывал при досмотре.

Федин вспомнил: досматривало два опера. Худого, как клеща, допросили.

Москвич опять опаздывал.

Но вот зашли в зал, и понеслось. Пузатенький огрызался, как и его коллега-худяк.

Москвич-адвокат деликатно загонял вопросами его в угол, и выявлялись либо полное незнание сыщиком дела, либо дурь, которой он хотел запудрить мозги, либо абсолютная потеря памяти.

Уже у судьи возникал вопрос: как таких сотрудников держат на службе. Как он ловит преступников, если ничего не помнит?

Пузатик:

— У нас мероприятие. Мне надо идти.

— Но вы же ничего не помните, зачем вы там? — со смехом вырвалось из Федина.

Судья почесал бровь, прокурор зевнул во весь рот.

Леша захихикал.

Что-то еще тащили из опера по крупицам.

Федин:

— А вы предлагали Путилину сотрудничать?

Хотел побольше набрать компромата на сыщиков.

Судья:

— Это относится к обвиняемому?

— Еще как!

— Снимаю вопрос.

По всему было видно, как судье надоело дело студента.

За пузатым допрашивали мать студента. Наученная опытом первого суда, она рассказывала все в деталях: как ночью ей позвонил следователь, как тянули деньги, как она звонила 02 и жаловалась на вымогателей, как видела понятых:

— Они держались друг за друга, чтобы не упасть.

Каким образом определила, во сколько пришла адвокат Марьева, как скрылся вымогатель, как через два месяца стали разбираться со взяткой, как следователь вызывал ночью и требовал написать заявление об отказе от Марьевой, как воевала с прокурором...

Судья:

— А покажите, что у вас в руках?

Мать подала исписанный цифрами листок.

— Кто это вам составил?

Прокурор как проснулся — и счастливо-счастливо смотрел на адвокатов.

— Я сама, — ответила та.

— Вы сами вели расследование?

— Конечно, а как же? Я же мать.

Судья покачал головой: многие бы позавидовали Леше.

Федин понимал, какую великую роль сыграла эта женщина, с первой минуты ставшая стеной за сына и не боявшаяся ни сыщиков, ни следователя, ни прокурора, ни судью.

После матери в защиту внука пошла бабушка.

— Я узник фашистских лагерей...

Ее рассказ тоже напоминал расследование.

А внук, не стесняясь, листал страницы смартфона. Федин хотел вырвать у него всевидящее и всезнающее электронное око, но побоялся скандала.

«За этого олуха бьются два адвоката! Мать! Бабушка! Он должен ловить каждое слово, каждый жест. Ты хоть видимость создай, что переживаешь!» — в упор посмотрел на него.

Но Леша листал телефон.

Вот она, наша молодежь: наивная — и не знает, какую злую шутку может сыграть с ними жизнь.

Заседание окончилось.

В 15 часов 25 минут Федин выбежал из Тимирязевского суда, а в 16 часов 05 минут выскочил из метро «Павелецкая» и, задыхаясь, из последних сил припустил к остановке автобусов в конце улицы и увидел, как из ворот выворачивал похожий на синюю птицу экспресс.

«Мой! “Москва — Воронеж”».

Ему не хватило минуты, чтобы догнать «птицу», впрыгнуть в салон и уехать.

Он опаздывал в жизни считанное число раз. И на этот раз опоздал.

Час переждал в церкви налетевший ветер и тронулся в путь на следующем экспрессе. Воздушный поток грозил опрокинуть автобус, Федин вжимался в кресло и поражался засыпанным за сутки белым полям.

Дело подходит к финишу. В очередной приезд Фебина судья нервно отметал ходатайства адвокатов и вот заявил:

— Откладываю дело на 20 декабря. Будьте готовы к прениям.

Федин приехал в Москву заранее и сразу направился в Одинцово.

Шел по снежной кашнице, и в голове крутилось: «Снимет ли обвинение прокурор?»

Но такое казалось маловероятным: в глухой тупик зашли отношения защитников с обвинением.

Путилин и тут встретил адвоката не отрываясь от смартфона, на что Федин отреагировал нервно:

— Сегодня ты должен стоять перед судом вот так... — Стал руки по швам и склонил голову.

Подавив огромное желание вырвать смартфон, добавил:

— И говорить: уважаемый суд...

В нем еще звучало: «Слезы должны литься! На колени надо падать!» — когда студент нехотя спрятал в портфель свой наимоднейший аппарат, словно от сердца оторвал.

Как всегда впритык появился московский адвокат. Заняли места в похожем на разбухший салон автобуса зале, где, как на кресло водителя, повернутое в зал, порывисто сел судья.

Теперь мантия на нем напоминала Федину ясу, но не хватало креста.

Вот поднялся прокурор и, не краснея, не потея, не заикаясь (как потел, наливался кровью и заикался в прениях при первом рассмотрении дела), отрапортовал и закончил:

— Прошу признать Путилина виновным... Приговорить к четырем годам лишения свободы...

И, услышав, как закричали адвокаты, добавил:

— ...условно... С испытательным сроком три года.

«Четыре-три», — Федин вспомнил приговор первого суда.

Выступление прокурора поразило до глубины души. Федин проглотил несколько слов, потом извинился:

— Я волнуюсь...

И, зацепившись взглядом за напечатанный на листе текст, заговорил, будто пытался вложить в присутствующих в зале каждое слово.

Его голос окреп, и вот он уже отрывался от текста и крыл сыщиков, которые фабрикуют дела, следователя, у которого пропадают деньги, прокурора, который подмахивает гнилые обвинения, отчего слышал, как ерзали по полу ножки стула под прокурором.

А когда вспомнил «Альберта»:

— Он угробил сорок жизней... Сорок отцов и сорок матерей... Восемьдесят бабушек и восемьдесят дедушек...

Ножки стула затрещали.

Склонив голову влево и не обрывая адвоката, мрачнел судья.

— Ровно год тянется это дело. И теперь, после второго рассмотрения, я с уверенностью могу только сказать: моего подзащитного можно только оправдать! — закончил Федин и не сдержался, произнес: — Должна же чем-то закончиться эта гнусная стряпня.

От слова «стряпня» судья перекинул голову вправо.

Коллега Фебина досыпал перцу в адрес прокурора, а студент, считая, что ему каяться не в чем, лишь сказал: сожалею, что попал в эту глупую историю.

Судья объявил:

— Приговор 23 декабря в два часа дня.

На выходе из суда обсуждали, проняло судью или не проняло, и только с горечью отмечали, как похож тот на робота и уловить что-то человеческое в его поведении не удавалось.

— Нам теперь можно передохнуть, — сказал Федин коллеге.

— Лешу теперь не посадят? — спросила мать.

— Вряд ли, раз прокурор попросил условно, — задрал голову москвич, смотря, не натягивает ли облака.

— Как сказать, у меня был случай, когда прокурор просил условно, а суд дал реально, — проговорил Федин и тут же поправился: — Хотя такое редко бывает.

Студент стоял рядом и пялился в смартфон.

«Вот кого не проняло!»

И уже со злостью Федин добавил:

— Может быть все что угодно. Поэтому, на всякий случай, чтобы был с вещами!

Мать закачало.

Москвич поддержал женщину:

— Что же вы так...

Федин на несколько дней остался в Москве.

Когда в пустых коридорах увидел только студента с матерью, которые смотрели на него, как на провидца, стараясь уклониться от вопросов, направился к залу. Потянул ручку, дверь оказалась закрытой.

К своему огорчению отметил: коллеги нет.

Мать студента сказала:

— Не придет. Занят в другом процессе.

«Эх, на меня все свалил. Еще закроют парня. Слушать эти крики. Придется проводить в СИЗО».

А хотелось домой, в Воронеж.

И бросал как решку: «Посадят?» — «Дадут условно?», а матери говорил:

— Надеюсь, оправдают.

Студент, хотя и был теперь с сумкой, на самый худой случай взял вещи, но и на этот раз заколдованно не отрывался от смартфона.

«Ну идиот!»

Хотя, может, он игрушками смартфона попросту отвлекался от всех на свете проблем.

Вот дверь изнутри щелкнула, появился судья:

— Заходите на оглашение.

Судья вытянулся над столом. Студент вытянулся у выхода, что можно было подумать: сбежит.

Но убежать из закупоренного со всех сторон здания было невероятно, разве что прыгнуть из окна четвертого этажа и разбиться.

Мать, как пристав, стала в дверях.

«А где прокурор?» — только подумал Федин, как зазвучал глухой голос.

Адвокат старался что-то записать.

Ловил себя на мысли: самое важное в жизни студента событие должно прозвучать веско, ну не голосом Юрия Левитана или Сергея Юрского, так хотя бы Юрия Яковлева. А тут — чешет.

Глянул на судью:

— Как под фонограмму...

Еле заметные движения губ, казалось, не совпадали со словами.

Писал на листе в руке.

В спине заломило.

Положил лист на стол и продолжал записывать.

Согнувшись вопросительным знаком, поглядывал на пачечку в руках судьи: когда кончит читать?

Оправдает?

Осудит?

Чуть не засмеялся, поймав взглядом ботинки студента. Они часто переминались, как при спортивной ходьбе.

А судья гнал.

Да что же за свинское отношение к человеку!

Судить скороговоркой.

Куда он опаздывает?

Елку купить?

И вдруг зловеще поползло:

— ...Признать виновным...

«Не оправдал!»

— Приговорить...

И как шлепки:

— Четыре года лишения свободы...

«Сейчас закроют?!» — заломило внутри.

Невольно глянул в сторону двери: пристав оттолкнет мать, и щелкнут наручники на руках сына.

Но через секунду также глухо:

— ...три года испытательного срока.

Федина как будто чем-то стукнуло — не оправдали, и отлегло — не посадили.

Он еще собирал бумаги со стола, как метнулась вперед мать, как взмахнул руками студент, как полетели возгласы:

— Да как ты мог! Что ты от него хочешь?! Как? Ведь он же ничего...

Адвокат заметил: за судейским столом уже никого не было.

А мать с растрепанными волосами и воспаленным лицом металась по узкому пространству.

Боясь, как бы чего не вышло, сказал:

— Вы тут осторожней... ведь судья может и закрыть...

Это подействовало отрезвляюще.

Выезжал из Москвы на автобусе, а на душе выло: что же это за борьба с наркотиками! Надо сажать наркобаронов, а ловят мелюзгу.

Серая муть реки вдоль набережной наводила на мысли о торжестве скверны в жизни, которую потоком не вынести. Так же серело небо, говоря о серости жизни под ним. И не желая больше видеть паскудство, закрывал глаза, а в них возникал сморчок-следователь; худющий опер; пузатый его коллега; Куродоев в клетке; металась с растрепанными волосами мать, и взмахивал руками студент перед похожим на монаха говоруном с челочкой и зальсынами.

Стало горько-горько. А в автобусе чего-нибудь выпить и отключиться не нашлось.

Когда выехали за кольцевую, реку будто разлило серыми полями и такими же бесцветными холмами.

Он почувствовал, как стреляет в ушах.

Как прыгает давление.

Если бы в этот момент он вылез из автобуса, упал бы от головокружения.

16

На новое заседание он ехал, немного расслабившись: без обычного состояния сжатой пружины. Он явно с прохладцей подходил к завершающей схватке.

А за окном вагона почерневой, порыжелой чересполосицей улетали поля и рощи.

Он прятал голову от бывшего в голову солнца, разминал сердце под мышкой и зевал.

— Держись.

Трамвайчик бодро подкатил его к занимавшему квартал, огороженному по периметру зданию городского суда.

— Как «Титаник»...

Попал под огромный свод, откуда змеями на несколько этажей устремлялись незаконные коридоры с трафаретными, как на нижних палубах корабля, стенами. В них налепило двери в залы, оттуда непременно должно было повеять свежестью и теплом.

В торце очередного прохода нашла дверь с нужной табличкой.

Появились студент, который, казалось, и через десять лет останется таким же худым, его мать с вечно растрепанными волосами и изящный, с иголки одетый коллега.

Федин знал манеру москвича сверять свои мысли полусшепотом. Они уединились в углу, пока не позвали в зал, который из окон озарился дневным светом.

Адвокаты сели за столик, студент — за столик за ними, дальше в глубине на скамье — мать.

«Хоть на этот раз без смартфона», — отметил Федин.

Стол в стороне занял молодой брюнет в синем кителе.

— Вот с кем будем тягаться...

За широченный стол на возвышении прошли кряжистый шатен, за ним — худая блондинка и скуластый, с изрезанным глубокими морщинами лицом, второй шатен. «Кашевары», — мелькнуло в голове Федина.

Дали слово Федину. Он много говорил, вовсе не боясь сказать лишнее. Видимо, пружине в нем и не нужно было сжиматься: история студента давно нашла прочное место в голове и сердце.

Он как штамповал:

— Мы имеем дело с провокацией... Опера нашли гнусного доносчика...

Его не оборвали на слове «доносчик».

— ...угробил сорок душ!

Слышал, как сзади вздыхала мать.

В заключительном слове Федин просил:

— Оправдайте... Остановите сыщиков... Спасите наших детей...

Коллега-москвич:

— В деле нарушений не счесть!

Студент:

— Я не виноват.

Когда судьи змейкой вышли из зала, коллега спросил Федина:

— Ну как, по вашему мнению?

— Думаю, неплохо. Как он дыривил этого, — большим пальцем показал на обвинителя.

Полтора года с того дня, как взяли студента, сжались в минуты. В ушах свистело. В душе смешалось столько событий, которые, казалось, судьи не разберут и за сутки.

Прокурор ходил по комнате.

— Такого бы в море выбросили за борт, — улыбнулся Федин.

Казалось, благодаря делу студента, они отшвартовались от одного берега жизни, чтобы причалить к другому берегу, где нет подстав оперов, где не пожирают людей, где нет стукачей, которые ради мелкой выгоды готовы принести в жертву другого, где судьи судят от сердца, где душа поет.

До торжества справедливости, казалось, один шаг.

Федин неистово ждал этого.

Раздался щелчок в двери.

Тройка заняла свое место.

Федин замер: начинается новая эра! Приговором открывается эпоха любви к человеку. Уходит в прошлое бездушное обращение с каждой божией тварью. Мир перевернулся!

Голосом Юрия Левитана в сознании адвоката летели слова манифеста счастья и любви с других галактик.

Как подтверждение старта к новой жизни зазвучал тоненький голосок, который не мог произнести иного, как оправдать.

Еще чуть-чуть — и Человечество заживет!

Федин так настроился, что вот-вот подпрыгнет.

Долетело:

— ...жалобу отклонить...

«Что-что?!»

А голосок:

— Понятно?

Выходило, одним голосом можно было спеть и колыбельную, и заупокойную.

В Федине еще металось: мне непонятно!

Тройка покинула зал.

Федин стоял несчастным.

Рядом сгребал со стола бумаги коллега.

Куда-то исчез прокурор.

Мать кричала вслед тройке:

— Пусть еще сорок упекут! Ваших детей!..

Студента не упекли. Срок вышел такой, какой в первом суде определила интеллигентка-судья, какой назначил судья с челочкой и залысинами, а тройка заштамповала: «Четыре и три».

Леша получил судимость и теперь обязан был жить под неусыпным контролем властей, тогда как в контроле скорее нуждались усадившие его на скамью подсудимых сыщики, следователи, прокуроры, судьи.

«Титаник» не оказался кораблем на Остров счастья.

Федин уходил молча. Он испытывал невообразимую горечь: всю жизнь его сопровождали такие вот вердикты судей, закрывавших глаза на мир.

Сушь веяло от тротуара, от копоты машин, от слепившего солнца, от пересохшего горла.

А в ушах стояло:

— Пусть еще сорок упекут!

Когда поезд врывался в темень просторов, в сознании огромным корпусом разворачивался «Титаник», который пытался уплыть на необетованную землю.

А под языком у него расплывалась очередная таблетка: теперь его сердцу без нее никуда.

